

Как отпраздновать две революции, если одна из них поглотила другую? Часть первая | Comment célébrer deux révolutions dont l'une a dévoré l'autre ? Partie I.

Auteur: Жорж Нива (перевод И. Мироненко), [Женева](#) , 07.11.2017.

Февральская революция 1917 г.

Мы продолжаем серию публикаций, посвященных столетию Октябрьской революции и предлагаем вашему вниманию эссе видного французского слависта, почетного профессора Женевского университета Жоржа Нива.

Nous poursuivons une série de publications dédiées au centenaire de la Révolution russe. Cette fois nous vous proposons un essai de Georges Nivat, un slaviste de renom, professeur honoraire de l'Université de Genève.

Comment célébrer deux révolutions dont l'une a dévoré l'autre ? Partie I.

Революций 1917 года было две. Александр Солженицын завершил свое широкое историческое полотно «Красное колесо» апрелем 1917 года, посчитав, что к тому времени все уже было решено, что либералы, возглавлявшие революцию, которая началась на улицах и в казармах Петрограда в феврале 1917 года, уже окончательно проиграли. И что, в целом, Октябрь был лишь логическим следствием случившегося. Так он подправил коммунистическую вульгату, низвергнув с пьедестала Октябрь «в пользу» Февраля.

Возможно, он ошибался, ведь тогда еще ничего не было предрешено. Детали взаимосвязанных событий, развал армии (отец Солженицына, несомненно, был либеральным офицером, он приехал в увольнение весной 1917 года и погиб в результате несчастного случая на охоте, не получив необходимой помощи), упорное неприятие Лениным мнения двух своих ближайших соратников (Зиновьева и Каменева) изменили ход истории. Потребовалось также в январе 1918 года силой разогнать Учредительное собрание, где большевики не получили большинства (оно осталось за социалистами-революционерами и меньшевиками, поскольку тогда в Собрание еще входили буржуазные партии).

А окончательно облик России и ход истории XX века изменил Октябрь. Даже в эмигрантских кругах существовала своего рода сакрализация Октября, вплоть до крупного журнала «Современные записки», которым весьма либерально руководило несколько бывших эсеров и депутатов того самого разогнанного Лениным Учредительного собрания. Так, например, Федор Степун, регулярно публиковавшийся в этом журнале, поставил редакцию в неловкое положение серией статей «Мысли о России» (1922-1928), где он доходил до утверждения, что мистически настроенные большевики были скорее иудео-христианской сектой, нежели партией, вдохновленной чтением «Капитала» Карла Маркса. Не говоря уже о «сменовеховцах», которые со времен НЭПа решили, подобно историку Н. В. Устрялову, что прошлое и будущее России отныне находится в руках большевиков. Или о «евразийцах», которые с 1929 года утверждали, что Россия глубже связана с Азией, чем с Европой. Среди них были князь Д.П. Святополк-Мирский, который вернулся в СССР и окончил свои дни в Гулаге, и лингвист Роман Якобсон, который был мудрее и уехал в США, где снискал большую известность и при этом долго скрывал данную сторону своих убеждений. Вот почему совсем не просто праздновать годовщину 1917 года, ведь речь идет о двух противоположных «революциях», из которых первая была «настоящей», а вторая – государственным переворотом, который очень скоро превратился в сакрализованную истинную «Революцию».

В течение семи десятилетий пока существовал Советский Союз, то есть однопартийный режим, установленный Лениным, празднование Октября было литургическим событием. К нему долго готовились, из него извлекали долгосрочные уроки, которые вели к тому, что год становился похож на церковный. Пожелтевшие листки «Правды», «Известий» и «Литературной газеты» из библиотечных коллекций позволяют нам вновь пережить эти литургические циклы, когда центральное событие повторялось ежегодно, каждый раз проживалось вновь, а круглый юбилей

праздновался с удвоенной мистической силой. Разумеется, большой праздник 7 ноября (25 октября по старому стилю) утратил свой глубинный смысл, однако всегда находились молодые энтузиасты, пытавшиеся этот смысл возродить. Страна стала называться «советской», хотя в ней уже не было ничего «советского». Власть исходила от верхов, а не от низов. Председатель одного из первых советов рабочих, организованного в Петербурге в 1905 году, был вычеркнут из истории: его звали Бронштейн, боевой псевдоним - Троцкий.

Сегодня праздник упразднен, лишь отдельные коммунисты все еще отмечают его, но не только ветераны – в их числе вновь появилась молодежь. День Великой Октябрьской Социалистической революции был заменен новой, очень близкой календарной датой – 4 ноября, и этот перенос официально объяснялся как возвращение к празднованию 4 ноября 1612 года, когда торговец скотом К. Минин и князь Д. Пожарский одержали победу над засевшими в Кремле поляками. В 1818 году двум героям установили памятник на Красной площади. В тот же день празднуется икона «Казанской Божьей матери», поскольку знаменитый образ, по преданию, был задействован в сражении, как и прежде, в битвах царя Ивана Грозного. Короче, 7 ноября перекроили для празднования «народного единства» другого типа. И именно в этом ракурсе можно понять, почему режиму сложно торжественно отмечать годовщину 1917 года.

Между тем даже при советской власти не было очевидно, какой именно урок следует извлечь из Октября. Возьмем, например, празднование 50-летней годовщины. На дворе 1967 год. Власти заказывают трем молодым режиссерам из Экспериментальной творческой киностудии три короткометражки для прославления «Октября». Речь идет о киноальманахе «Начало неведомого века». Один из трех фильмов пропал, два других были запрещены и показаны намного позже на фестивале «запрещенного советского кино» (в Ленинграде).

Первую новеллу сняла талантливый режиссер Лариса Шепитько, жизнь которой трагически оборвалась в автокатастрофе. Это «Родина электричества» по рассказу Андрея Платонова. В затерянной в пустыне деревне, пожираемой солнцем и засухой, изобретатель-самоучка, студент-первокурсник, приехавший из Киева, один из мечтателей-изобретателей, столь часто появляющихся в произведениях Платонова, проектирует машину для накачки воды, сделанную из мотоцикла, захваченного у врага-немца. Однако мотор взрывается, а обескровленную деревню спасает посланный природой дождь. Фильм был снят под Астраханью, во время летней жары, и обстановка кажется сюрреалистичной, хотя все подлинное, в том числе актеры – жители деревушки и изобретатель – студент-первокурсник из Киева.

Вторая лента была снята Андреем Смирновым, будущим создателем «Белорусского вокзала». Он взял за основу сюжет другого рассказа, написанного в первые годы советской власти, его автор – Юрий Олеша. Действие «Ангела» разворачивается исключительно на затерянной в лесу платформе, на железной дороге, по которой из-за отсутствия угля больше не ходят поезда. Иногда платформа сама катится по склону, иногда нашедшие на ней прибежище люди пытаются ее толкать. Там собрались машинист паровоза и его дочь, какой-то человек с коровой, интеллигентный господин с томиком Данте подмышкой, беременная молодая крестьянка, студент-эсер и комиссар-большевик. Они знакомятся между собой, комиссар обещает арестовать студента, как только они прибудут на место. Однако платформа захватывает банда атамана, прозванного «Ангелом», и всех берет в плен.

У комиссара свои счеты с Ангелом. Его казнят в сарае около железной дороги, дочь машиниста насилуют, остальные уходят пешком, подавленные и потерявшие надежду. «Вот тебе серп и молот», - говорит Ангел-губитель, раскалывая голову комиссара на наковальне.

О чем хотели рассказать в своих фильмах два дебютанта, воспользовавшиеся Оттепелью? О том, как запутана и неоднозначна Революция? О безумных надеждах и отвратительном насилии, порожденных призраком рая на земле? Знаменитая формула Ленина описывает Революцию как «Советская власть плюс электрификация». Вода плюс братство - говорит Лариса Шепитько, жестокость с обеих сторон - говорит Андрей Смирнов. Оба фильма были спасены кладовщиком, который втайне сохранил киноленту. Нет ничего удивительного, что оба фильма были запрещены, удивительно, что хрущевская Оттепель создала условия для рождения подобных интерпретаций Октября и трагичности русской утопии.

Сегодня мы не живем ни при нэповском «перемирии», ни при хрущевской Оттепели. Режим сменился. «Управляемая демократия» подает себя как режим либеральный и авторитарный, при котором существует «согласие» нации и при котором, следовательно, уже нельзя противопоставлять двух братьев-врагов, бывших главными героями во многих советских произведениях 1920-х годов (у Ю. Олеши, Л. Леонова, В. Каверина и многих других). Следует, наоборот, свести вместе, в согласии друг с другом, все страты российской истории. Речь больше не идет о том, чтобы состыковать одну память с другой. Ни о том, чтобы показать, как это делает во всем своем творчестве Андрей Платонов, двойственность революционной, почти христианской мечты о братстве, но еще и о классовой мести. Платоновские босяки ищут «коммунизм», как ищут ковчег завета в пустыне: они бродят, как евреи, сорок лет скитавшиеся по Синаю, в поисках виртуальной географической точки, которая в подписи к их ментальной карте обозначена как «Коммунизм». И путинская Россия не может, оглянувшись назад, ни принять одну из сторон, ни даже смириться с этой поразительной двойственностью платоновских притч, которые были одновременно и пропагандистскими иллюстрациями, и антикоммунистическими провокациями. В российском пантеоне больше нет места для Ленина, хотя его тело в Мавзолее и не трогают - знак того, что Октябрь остается чем-то сакральным. То тут, то там устанавливают новые памятники Сталину, хотя еще недавно они полностью исчезли из российской действительности. Он остался в пантеоне великих патриотов, которые создали Россию. Ленина там нет, потому что он ее скорее разрушил.

От редакции: Продолжение эссе профессора Жоржа Нива читайте в нашем завтрашнем выпуске, а другие материалы, посвященные 100-летию революции, - в [тематическом досье](#).

[отношения США и Швейцарии](#)

Source URL:

<http://nashagazeta.ch/news/politique/kak-otprazdnovat-dve-revolyucii-esli-odna-iz-nih-poglo-tila-druguyu-chast-pervaya>